

Г.Г. Попов

ДРЕВНЯЯ РУСЬ И ВОЛЖСКИЙ ТОРГОВЫЙ ПУТЬ В ЭКОНОМИКЕ ВИКИНГОВ

В настоящей статье мы исследуем вопрос о том, как на формирование и развитие того, что в историографии принято называть эпохой викингов, экономически повлияли взаимоотношения скандинавских народов и населения Великорусской равнины (включая прилегающие к ней территории).

Как известно, малочисленная группа народов Скандинавии, зажата со всех сторон холодными водами Северной Атлантики и обладавшая скудными природными ресурсами, смогла почти три столетия¹ устрашать весь латинский Запад, завоевать Англию и основать в Европе несколько феодальных государственных образований. Ко всему прочему скандинавам удалось совершить ряд географических открытий, колонизировать Исландию и Гренландию, развернуть обширную торговлю на Балтике и в Причерноморье.

Основные тезисы, выдвигаемые нами, заключаются в следующих утверждениях:

– в IX–X вв. существовало сильное скандинавское военное воздействие на славянские и финские племена;

– Русь была важной транзитной территорией, соединявшим Скандинавию с исламским Востоком через Волжский торговый путь, и торговые доходы от этого пути существенно помогали викингам в организации их военных экспедиций в Западную Европу;

– малочисленность скандинавов и сильное воздействие на Русь Византийской империи в сочетании с религиозным расколом среди скандинавов не позволили викингам долго удерживать под контролем важные торговые магистрали Руси, власть викингов над славянскими территориями оборвалась в конце X в.

Для обоснования этих тезисов мы будем во многом исходить из работ специалистов по скандинавскому вопросу Питера Сойера² и Геннадия Лебедева³, поскольку именно у этих

авторов собрано наибольшее количество информативного материала по социальной истории скандинавских народов интересующего нас периода.

Завоевание викингами восточных славян

Сложность изучения ранней истории Руси и скандинавских народов заключается в дефиците источников. Нельзя сказать, что их мало, но они носят отрывочный и иносказательный характер. Целостных летописей, кроме Повести временных лет (ПВЛ), нет. Но и эта летопись была написана в начале XII в., т.е. спустя 250–300 лет после интересующих нас событий, поэтому вряд ли можно признать сведения, содержащиеся в ней о периоде, предшествующем XI в. абсолютно достоверными.

Отрывки скандинавских саг, повествующих о Руси, отличаются сжатостью сведений. К тому же они были записаны только в XIII в., что также не могло не отразиться на их содержательной части.

Уже более ста лет скандинависты буквально по крупицам собирают данные о славяно-скандинавских отношениях последних трех веков первого тысячелетия нашей эры. Далее мы рассмотрим некоторые скандинавские источники, повествующие, правда, о более поздних событиях конца X–начала XI вв. Это в основном сохранившиеся в Исландии памятники традиции шведских скальдов, повествующие о событиях, связанных с принятием христианства на Руси и в скандинавских землях.

Сведения о завоевании восточных славян скандинавами содержатся в нескольких исландских сагах.

Русь в исландских сагах всегда называется Гардарики. В этих сагах нет упоминаний ни о Рюрике, ни об Игоре. Если опираться на сагу о Хрольве «Пешеходе», то начала русской истории выглядят примерно так. На Руси правил некий конунг Хрегвид. У него была дочь — Ингигерд. Шведский ярл Эйрек совершил поход на Русь (в Гардарики), чтобы захватить эту страну. Предприятие оказалось удачным. Хрегвид погиб (в основном потому, что его предал любимый конь) и был погребен в огромном кургане, а его дочь стала невестой Эйрека (она поставила победителю условие — выйти за него замуж через три года, если за это время в честном поединке никто из ее воинов не победит воинов Эйре-

ка). По требованию невесты, Эйрек удалил от нового княжеского двора большую часть пришедшего с ним войска, отдав своим воинам входившие в состав Руси земли пруссов, где находилась одна из резиденций бывшего правителя Гардарики⁴.

Но желающих завоевать Русь было куда больше, чем один Эйрек. Вскоре в русские земли (Гардарики) пришел норвежский ярл Хрольв, который разбил Эйрика (тот воевал, когда появился Хрольв, с неким правителем страны татар — вероятнее всего, речь идет о Хазарии, так как авторы саг жили в XIII–XV вв. и ассоциировали все народы к востоку от Руси с татарами) и взял власть в стране. Он женился на Ингигерд и правил потом долго Русью.

Хрольв, согласно саге, был посажен править в Киеве по совету знатных людей из окружения Ингигерд. Действительно, резиденция русских князей каким-то образом оказалась перемещена из Новгорода в Киев, который никак в то время политически не был связан с Северо-Западной Русью, если верить сведениям ПВЛ.

Хрольв «Пешеход» — вполне реальный персонаж. Его звали Хрольв Стурлаугссон, в Западной Европе он был известен как предводитель викингов Роллон, основатель Норманнского герцогства. Следовательно, мы можем примерно определить хронологические рамки изложенных в саге событий. Нам известно, что Нормандия была основана в 911 г., однако Хрольв воевал с Францией с 886 г., поэтому примерной датой рождения этого ярла считается 860 год. Таким образом, описанные в саге о Хрольве «Пешеходе» события могли произойти не позднее середины 880-х гг. Хронологически это время близко к дате призвания варягов на Русь, указанной в Повести временных лет (862 г.). Соответственно, поход ярла Эйрека должен был произойти раньше, примерно в 870-е гг., а это — время правления Рюрика по ПВЛ (862–879 гг.).

Ярл Хрегвид, судя по описанию, больше подходит к персонажу русских летописей — князю Олегу: ведь тот, согласно легенде, тоже был погублен конем, и как Хрегвид слыл магом («вещий Олег»). Судя по саге, он много воевал, только один поход против балтов занял у него семь лет. Сам Хрегвид, судя по описанию, вероятно, был скандинавом. В любом случае в данной саге отражена историческая реальность, когда одна волна

скандинавских завоевателей сменяла другую волну (Эйрек был шведом, а Хрольв — норвежцем).

Сама страна Гардарики воспринималась сочинителями саг как северная, то есть, скандинавская страна. Вероятнее всего, культурный обмен между северо-западной частью будущей Киевской Руси и Скандинавией достиг к IX веку таких масштабов, что славяне воспринимались скандинавами, как свои. Согласно саге о Хрольве «Пешеходе», Русь уже во второй половине IX в. была крупнейшим политическим образованием Восточной Европы, охватывавшем территории от современной Калининградской области до верховьев Волги.

Набеги скандинавов и захваты ими отдельных территорий, населенных восточными славянами, балтами и финнами, происходили и до середины IX в. Археологические раскопки подтверждают активность скандинавов в Восточной Прибалтике в эпохи, предшествовавшие викингам⁵. Правда, отмеченный археологами факт военной и торговой активности, еще не говорит в пользу завоевания. Согласно сагам о викингах, скандинавские конунги предпочитали просто совершать набеги на восточноевропейские страны.

Правда, в главе 41 саги об Инглингах четко говорится, что конунг Ивар Широкие Объятия (жизнь этого легендарного правителя относят к концу VII в.) «подчинил себе всю Свиавельди. Он завладел и всей Данавельди, и большей частью Саксланда, и всем Аустррики, и пятой частью Энгланда». Автор саги — Снорри — четко указывает масштабы завоеваний — «пятая часть Энгланда» и «большая часть Саксланда» — таким образом, мы можем доверять его словам. Если бы он просто перечислил завоеванные страны, то мы имели бы полное право усомниться. Завоевания Ивара — это практически все берега Балтийского моря, плюс восточные территории, отходящие от Восточного побережья Балтики. Энгландом древние германцы называли маленькую страну на севере современной Германии. Аустррики — это в то время практически все восточное побережье Балтики и земли, отходящие от него вглубь. Во времена Ивара скандинавы еще не знали страну Гардарики (или Гарды, как она именовалась в ранних источниках). Это означает, что Руси или иных сколько-нибудь крупных государственных образований славян вбли-

зи Балтики в VII в. просто не существовало. Если скандинавы, согласно саге об Инглингах, могли осуществлять завоевания в Восточной Европе еще до эпохи викингов, то они вполне были в состоянии это делать и во время таковой.

Саги нам указывают, что Русью фактически правили люди разного происхождения. Реальная власть находилась у того, кто обладал военной силой. Эйрек так и не смог покорить Русь, так как, судя по всему, для установления полного контроля над ее территорией у него не хватало войск. Отношения Хрольва с местной знатью носили, как явствует из саги, скорее договорной характер.

Так как в результате военных столкновений восточных славян с викингами, а также разных групп викингов друг с другом, на Руси могли часто сменяться правители, то Нестор, автор ПВЛ, вероятно, просто взял несколько запомнившихся населению страны персонажей и искусственно выстроил периоды их правления в хронологической последовательности. В результате, например, Святослав (возможно, и не Рюрикович вовсе) стал сыном княгини Ольги (а она могла и не быть женой Игоря), хотя, по сочинению Константина Багрянородного⁶, Ольга и Святослав были ровесниками. Данный факт заставил усомниться еще Карамзина в верности ранней генеалогии Рюриковичей по ПВЛ. Неизвестный скандинавским источникам Рюрик (возможно, один из нанятых на короткое время новгородцами скандинавский или западнославянский ярл) превратился в первого русского князя и основателя династии.

Варяжское завоевание — причина отставания восточных славян

Военные предприятия викингов (а, кроме попыток завоевания страны, они совершали еще многочисленные чисто грабительские набеги на земли балтов и восточных славян) нанесли сильный ущерб Древней Руси.

О том, что Древняя Русь была малозаселенной страной, говорят следующие факты. В XI в. мы встречаем первые известия о частной собственности на землю у восточных славян, что объяснялось дореволюционными авторами обилием земельных ресурсов, например, Н.П. Огановский писал: «В Киевскую эпоху

земля не имела ценности, так как большинство ее лежало “впусте”»⁷. По мнению А.Е. Преснякова, боярская собственность на землю возникла как результат освоения пустошей, или новин⁸.

В 1920-е гг. некоторые ученые относили появление частной собственности на землю в Киевской Руси к XII веку⁹. В годы сталинской ортодоксии, разумеется, период феодализации древнерусского общества и образования частной собственности на Руси удлинены вглубь веков. Но даже в 1930–1940-е гг. некоторые исследователи отмечали наличие слабых признаков частной собственности на землю в Киевской Руси вплоть до XII в.¹⁰

Отсутствие признаков частной собственности в Киевской Руси X–XI вв. подтверждают гипотезу о нехватке населения. Но природные факторы не могли стать причиной этой нехватки. Набеги кочевников не приносили в ту эпоху ощутимого урона, тем более, славяне могли дать противникам из степи действенный отпор, как это случилось с аvaraми. До прихода половцев в европейские степи славяне свободно селились в излучине Дона и в Крыму, но и половецкая агрессия лишь на короткое время приостановила раннюю русскую колонизацию Причерноморья.

До XI в. на Руси практически отсутствовали крупные города¹¹, что нетипично для других земледельческих культур Евразии. Бурный рост городов начинается только в XI в., хотя его предпосылки возникли еще перед появлением Рюриковичей.

Ответ на загадку отсталости Древней Руси (низкая численность населения, отсутствие частной собственности и крупных городов) возможен, это — норманнское завоевание, которое привело к сильному оттоку ресурсов. Западные археологические исследования показали значительный рост благосостояния Скандинавии именно в эпоху образования Древнерусского государства. На резкое увеличение доходов скандинавов в периоды правления на Руси первых князей династии Рюриковичей указывает хронология распределения монет в кладах (см. табл. 1 и рис. 1).

В конце IX в. Русь, судя по археологическим исследованиям, оказалась почти полностью лишена серебряной монеты¹², что можно объяснить тем, что произошло завоевание. (Альтернативным объяснением было бы исчезновение серебра за счет его экспорта в Скандинавию. Но почему тогда вывоз монеты из земель восточных славян носил такой спонтанный характер, не

имевший по своим масштабам аналогов ни в предыдущие, ни в последующие эпохи?) Мирный характер отношений скандинавов и славян в IX в. вызывает сомнения — викинги предприняли в это время масштабную агрессию против всех стран, которых они могли достичь на своих кораблях.

Таблица 1

Временное распределение монет в захоронениях Бирки

Даты монет, годы	Количество мусульманских монет в захоронениях Бирки
700–750	12
750–800	14
800–850	17
850–890	4
890–950	42
950–	1

Составлено по: Сойер П. Эпоха викингов. СПб., 2006. С. 149–151.



Рис. 1. Хронологический состав куфическогоклада из Ваалсе, Дания (130 монет)

Источник: Thomsen C.J., Lindberg J.C. Fund ved Vaalse paa Falster // *Annales for Nordisk Oldkyndighed*. 1842 – 1843. P. 21 – 142.

Питер Сойер сделал вывод, что приток серебра в Скандинавию из исламского мира через Великорусскую равнину привел к росту ресурсов викингов вообще и их военных сил в частности, что и послужило основной причиной завоевания ими Британии. Этот приток шел по каналам Великого волжского пути, который в IX–X вв. был по существу одним из ответвлений Великого шелкового пути¹³. На рис. 2 прочерчена линия только южной части этой торговой магистрали, от хазарского Итиля до Булгара, где

большую роль играли еврейские купцы. Дальше на север, по пути от Булгара к берегам Балтики, торговлю контролировали как раз купцы-варяги, обменивая главным образом рабов (особенно высоко ценились славянские женщины) и меха на шелк и арабские серебряные дирхемы.

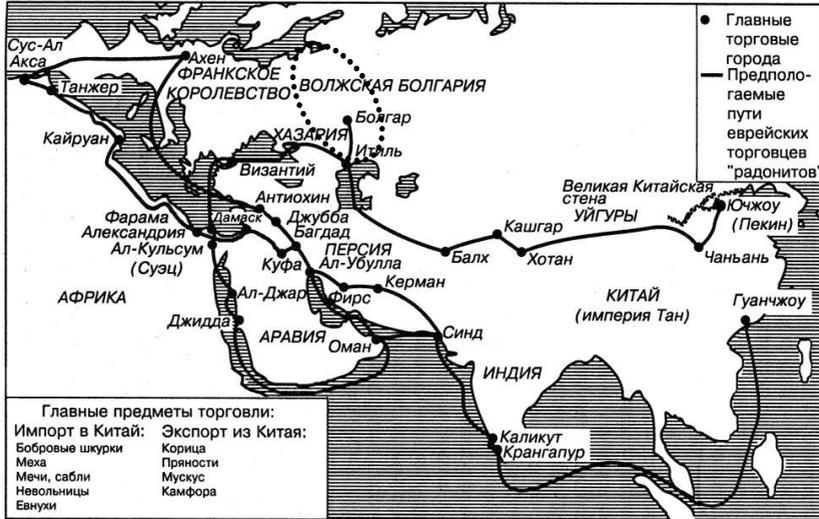


Рис. 2. Евразийские торговые пути IX в.

(пунктиром отмечен район Великого волжского торгового пути)

Источник: <http://www.rospisatel.ru/chasarija1.htm>.

Когда П. Сойер проследил изменения движения потоков серебра с Востока в Скандинавию по хронологии и расположению кладов с куфическими монетами на территориях скандинавских стран и на Великолукской равнине, то он пришел к выводу, что около 970 г. в отношениях Руси со Скандинавией произошли глобальные изменения. До 970 г. мусульманские монеты шли в основном по Волжскому торговому пути, через территорию Волжской Булгарии и Хазарского каганата¹⁴. После 970 г. Волжский путь на время почти прекращает свое существование, поток серебра коренным образом изменяет свое направление и начинает проходить через Черное море и Дунай. Самое главное, количество поступающей в Скандинавию восточной монеты заметно снизилось, что объясняют как монетарным кризисом в исламском мире, так и сложностью транспортировки серебра по

новому пути. Однако на Русь мусульманское серебро продолжало поступать в том же количестве.

Вспомним теперь, что происходило в 970–980-е гг. на Руси. Согласно ПВЛ, после разгрома Хазарского каганата в конце 960-х гг. Святослав ушел со значительной славяно-скандинавской дружиной воевать на Балканы. Из-за этого позиции проскандинавской партии в Киеве заметно ослабли, а, значит, ослабли и позиции язычников, которым уже противостояла христианская партия (в которой также присутствовал какой-то процент скандинавов) во главе с княгиней Ольгой. Далее Святослав погиб, как принято считать, от рук печенегов. После краткой попытки укрепления в Киеве язычества князь Владимир в 988 г. вводит христианство на Руси. Именно после подавления проскандинавской партии на Руси начинается рост городов, развиваются ремесла, появляется частное землевладение и начинается чеканка собственной монеты.

Вероятнее всего, волжский путь был перерезан по решению княгини Ольги. П. Сойер также считает, что главная причина прекращения экспорта мусульманского серебра в Скандинавию через Русь заключалась в деятельности русских князей¹⁵, правда, он не вдается в подробности данного вопроса.

На резкое ослабление скандинавского давления на коренное население Великорусской равнины указывает факт сокращения количества норманнских захоронений в начале XI в. (табл. 2). Едва ли скандинавы были ассимилированы славянами. Ведь мы не находим примеров, чтобы, скажем, в Англии IX–X вв. они утратили свою культуру и обычаи. На то, что скандинавы могли долго сохранять свою культуру, говорит тот факт, что жители Форерских островов до сих пор говорят на диалекте, сильно отличающемся от английского языка.

Таблица 2

Процентное соотношение славян, финнов и скандинавов в Верхнем Поволжье на основе анализа захоронений в Ярославской области, %¹⁶

Этническая принадлежность захоронений	X в.	Рубеж X–XI вв.
Славяне	12	24
Финны	63	62,5
Скандинавы	25	3,5

Согласно данным табл. 2, численность скандинавов уменьшилась в несколько раз буквально за одно поколение — это совсем не похоже на ассимиляцию. К тому же мы не видим особых признаков ассимиляции финнов славянами. Почему тогда, спрашивается, она должна была происходить по отношению к скандинавам? Вероятнее всего, большая часть нелояльно настроенного по отношению к новой (христианской) власти скандинавского населения была просто истреблена или же изгнана на историческую родину.

Реформы Ольги и христианизация Руси Владимиром произошли не из-за каких-то чисто антискандинавских побуждений и желания помочь коренному населению. Основную роль сыграло, видимо, византийское влияние и большие возможности для русских князей утвердиться в славянских землях уже в роли полноправных монархов, а не просто норманнских конунгов.

После прекращения скандинавского господства на Руси происходит рост численности ее населения, правда, не столь значительный. Средняя оценка Б.Ц. Урланисом численности населения Киевской Руси составляет примерно 5,3 млн человек на 1000 г.¹⁷ На наш взгляд, это — завышенная цифра, но мы принимаем ее условно как максимально возможную. Для сравнения: Германия в XI в. имела примерно такую же численность населения (5,4 млн человек) при общей площади территории много меньшей, чем у Киевской Руси.

Древняя Русь по своей социальной структуре очень похожа на донемецкую Пруссию (до завоевания последней крестоносцами). Древнее прусское общество было разделено на три социальных слоя: военная знать, рабы, экономически обеспечивавшие военную знать, и независимые свободные общинники. Военная знать пруссов владела аллодами, в которых трудились рабы¹⁸. В культурном аспекте прусская знать сильно отличалась от пруссов-общинников. Основой экономического существования прусской знати, включая и местных князей, был труд рабов и работорговля, из-за чего пруссы часто вели войны. Рабы набирались в основном из захваченного польского населения, частью оставлялись в самой Пруссии, а частью продавались (преимущественно на Русь)¹⁹.

Похожее социально-экономическое устройство имело место и у скандинавов. Не исключено, что прусская военная знать

происходила от скандинавских завоевателей. Есть гипотеза, что Рюрикoviчи вели свое начало от какого-то прусско-скандинавского знатного рода. Данная версия подтверждается, например, фактом похода Даниила Галичского в 1235 г. в Пруссию. Этот поход имел целью оказание военной помощи пруссам против крестоносцев, причем перед началом похода Даниил Романович прямо сказал, что идет освобождать «отчину».

Таким образом, Русь, Пруссия и Скандинавия имели схожие структуры общества. Едва ли одновременно в трех частях Европы могли на огромных пространствах сложиться сами по себе в одно и то же время столь схожие условия и формы социально-экономического развития. Ведь восточные славяне в VI–VIII вв., как доказывает И.Я. Фроянов, знали только домашнее рабство. Вероятно, весомую роль сыграли скандинавы, которые «импортировали» свои институты в земли пруссов и восточных славян.

На факт серьезного воздействия скандинавов на восточных славян в аспектах общественно-политического устройства и экономики указывают заимствования из скандинавского языка следующих слов: «кнут», «броня», «шлем», «багор», «стяг», «удел», «город», «торг», «гость», «погост», «вить» (податная единица), «тиун» (судья), «вира», «гридь» (младший дружинник)²⁰.

Норманнская Русь как экономическая база организации походов викингов в Западную Европу

Скандинавия в раннем средневековье имела слабую ресурсную базу для осуществления ее населением каких-либо крупных военных предприятий. Вся численность способных принимать участие в морских походах воинов скандинавских стран не превышала уже после эпохи викингов, в XII–XIII вв., 70 тыс. человек. Это примерно каждый четвертый способный держать оружие мужчина (по оценке Г.С. Лебедева)²¹. Такая оценка означает, что общая численность всего населения Скандинавии была около 1 млн человек. В Англии тогда проживало тоже порядка 1 млн человек²². Это означает, что только Англия могла выставить в среднем столько же воинов, сколько все скандинавские народы. К тому же переброска больших воинских контингентов из Скандинавии в Западную Европу была затруднена.

Приведенная выше оценка людского потенциала Г.С. Лебедевым основана на данных о численности скандинавского ледунга (ополчения) уже зрелого средневековья. Разумеется, возможности варварской, по своей сути, экономики Скандинавии эпохи викингов были намного ниже, чем в феодальный период. Кроме того, Лебедев рассматривает ледунг, однако едва ли все ополченцы могли (даже потенциально) принимать участие в дальних экспедициях. Для боевых действий на далекой и чужой территории были нужны хорошо подготовленные и опытные воины.

О том, что собой представляла экономика скандинавов в раннем средневековье, наглядно повествует, например, «Орозий» короля Альфреда. Согласно этому источнику, основными хозяйственными занятиями норманнов (норвежцев) были охота на морского зверя и разведение оленей. Богатство среднего норвежского ярла оценивалось в количестве голов скота. В «Орозии» говорится о некоем ярле Охтхере, который владел 20 овцами и 20 свиньями, пахал сам на лошадях и считался при этом очень богатым человеком. Основным же богатством норвежцев, как указано в «Орозии», была дань с финнов²³. Таким образом, из этого произведения мы видим образ экономики раннегосударственного общества, хорошо знакомый нам по произведениям Гомера.

До X в. скандинавы имели патриархальную форму организации общества. К тому же они постоянно воевали друг с другом, что означало отвлечение немалых сил на внутреннюю борьбу. В отличие от норманнов, англосаксы имели достаточно сплоченное ополчение — фирд, дополненное профессиональными войнами (тэнами). Англичане могли выставить столько же вооруженных мужчин, сколько и все скандинавские страны. Для сбора фирда британцам не требовались корабли: территория Англии небольшая, и пешее войско могло пройти ее за неделю с севера на юг, благо, к тому времени еще сохранились какие-то остатки римских дорог. Это означает, что для побед над англичанами норманнам требовались хорошее оружие и много кораблей для перевозки большого количества воинов.

Сколько викингов реально могла содержать Скандинавия только за счет своих внутренних источников, дают нам сведения уже более позднего периода, конца XI–первой половины XIII вв., когда на смену викингам пришли феодалы. С середины XI в.

норманнские набеги на Европу значительно ослабили. Большинство скандинавов отказалось от старого образа жизни, приняли западное христианство и стали придерживаться его норм. По расчетам Г.С. Лебедева, численность вооруженного феодального класса (включая и мелких вассалов) всех скандинавских стран составляла тогда 12–15 тыс. человек²⁴. Итак, 15 тыс. воинов — это максимальная оценка военного потенциала всех скандинавских народов, если его существование поддерживалось почти исключительно внутренними ресурсами.

Надо учесть, что феодальная форма ведения сельского хозяйства была более продуктивна, нежели общинное земледелие эпохи викингов, дававшее намного меньший прибавочный продукт. Принимая это во внимание, мы можем предположить, что внутренний военный потенциал викингов был вдвое-втрое ниже, чем у феодальной Скандинавии. Это подтверждается тем фактом, что численность дружины конунга до XI в. редко превышала 80 человек, в то время как обычный ландмар (скандинавский аналог барона) имел под своим началом 40–50 воинов²⁵.

Итак, в бедной Скандинавии было немного воинов и мало материальных ресурсов на их обеспечение. Откуда же викинги брали недостающие людские и материальные ресурсы?

Поскольку в раннее средневековье Атлантика и Средиземное море не располагали крупными торговыми магистральями, а народы, обитавшие по их берегам, находились в состоянии почти полной автаркии, викинги могли получать торговые доходы только от восточноевропейских путей, которые вели на богатый исламский Восток. Главным таким путем была Волга, именно от волжской торговли викинги, очевидно, и получали свои основные доходы. Таким образом, Древняя Русь могла предоставить им возможность создавать крупные финансовые накопления, которые и шли на обеспечение военных экспедиций в Западную Европу и Средиземноморье.

По всей видимости, Русь предоставляла норманнам не только финансовые ресурсы от транзитной торговли по Волге, но также и дополнительные военные силы. Иначе откуда тогда у скандинавов взялись в начале X в. людские ресурсы для попыток захвата земель в Иране? Не исключено, что и в западноевропейских экспедициях принимало участие какое-то количество

восточных славян, не говоря уже о военных предприятиях против Византии.

Подтверждение нашей гипотезы о том, что походы викингов не могли поддерживаться чисто внутренними ресурсами, мы можем найти благодаря анализу цен на оружие в скандинавских странах. Данные о ценах, которые оставались стабильными на протяжении всей эпохи викингов и не только в Скандинавии, помогут нам также более точно определить численность военного ядра войск викингов — профессиональных воинов.

По подсчетам Г.С. Лебедева, внешняя экспансия обеспечивала Скандинавии приток серебра в объеме 800 тыс. марок за одно поколение²⁶ (25–30 лет), то есть примерно по 26 тыс. марок в год. Содержание одного воина составляло в скандинавских странах 10–12 марок серебра в год²⁷. Делим годовой приток серебра на минимальную стоимость годового содержания профессионального воина, тогда мы получаем примерно 2600 воинов — столько максимум могла содержать Скандинавия воинов за счет внешних ресурсов. В реальности, конечно же, не все деньги тратились на содержание воинов. Вероятно, более половины притока серебра шло на мирные нужды. Тогда военный потенциал скандинавских обществ, складывающийся за счет внешних поступлений, едва ли мог превысить 1000 воинов.

Участие ледунга в походах носило ограниченный характер, особенно это касается восточных экспедиций. Ведь ополченцы были вооружены и обучены хуже, поэтому на них не стоило тратить место в дракарах.

То, что простые скандинавские бонды (свободные крестьяне-общинники) едва ли могли принимать активное участие в походах викингов (особенно до конца X в.), косвенно подтверждается и данными о ценах на вооружение. Меч в Скандинавии конца эпохи викингов стоил 0,75 марки, копьё — около 0,25 марки²⁸. Таким образом, только на стандартный набор вооружения викинг должен был потратить примерно 1 марку. Известно, что лошадь в языческой Руси стоила примерно столько же, сколько и меч (цены Руси того периода вполне сопоставимы с ценами Скандинавии эпохи викингов). Соответственно, 1 меч был эквивалентен примерно 8–9 овцам либо 12 свиньям. Вспомним, что норвежский ярл владел поголовьем свиней в 20 штук, что

считалось большим количеством. Соответственно, скандинавскому бонду необходимо было потратить состояние, чтобы вооружиться. Таким образом, крупные походы викингов с более чем одной тысячей участников стали возможны только после «первоначального накопления» средств, т.е., где-то после середины IX в., что и нашло свое отражение в хрониках.

Обращаясь к опыту Англии конца XI в. (эпохи «Книги Страшного Суда»), можно определить, что на одного воина в Северо-Западной Европе приходилось примерно 20–25 крестьян (разумеется, мужчин-пахарей). Поскольку возможности варварской экономики были в несколько раз ниже, чем феодальной, то на каждого скандинавского воина должно было приходиться около 100 крестьян. Согласно оценке Г.С. Лебедева, численность взрослого мужского населения Скандинавии составляла 300 тыс. человек. Поэтому можно предположить, что за счет внутренних ресурсов правители Скандинавии могли содержать примерно 3000 профессиональных воинов.

К полученной нами численности в 3000 воинов-профессионалов мы должны прибавить около 1000 воинов, существовавших за счет внешних источников — за счет восточной торговли на территории Древней Руси. Таким образом, 4000 воинов — это максимальная оценка ядра военного потенциала Скандинавии викингов при нормальном состоянии их общества. Более четверти ядра военного потенциала викингов возникло за счет восточной транзитной торговли, т.е. благодаря Руси.

Конечно, корпус «профессиональных викингов» мог достичь и большего размера — 7–8 тыс. бойцов. Но это происходило, по всей видимости, только в отдельные короткие периоды истории, не более 10 лет, когда под давлением внешних обстоятельств проводилась «мобилизация» скандинавской экономики. Например, такая «мобилизация» могла произойти в начале XI в. при Кнуде Великом, когда викинги завоевали Англию, и при Харольде Хардрата, который в 1066 г. неудачно попытался сделать это еще раз²⁹.

Выше мы рассматривали только непосредственно скандинавские страны, но викинги, как мы знаем, обитали в немалом количестве на Руси и в Балтии. Согласно мнению Г.С. Лебедева, до половины серебра от транзитной торговли Скандинавии с

Востоком оседало на территории Руси³⁰. Поэтому можно предположить, что военный потенциал Древней Руси был эквивалентен военному потенциалу всей Скандинавии, вероятнее всего, даже больше, так как Восточная Европа обладала много большими внутренними ресурсами развития, нежели Север. Ресурсы этого дополнительного военного потенциала использовались викингами в их походах против Византии (военные экспедиции Аскольда, Олега и Игоря).

После середины X в. в скандинавских странах резко увеличился приток серебра из Западной Европы при таком же резком уменьшении его притока из Восточной Европы, а конкретнее — с исламского Востока. Объемы полученного из Англии, Германии и Франции серебра после 950 г. и вплоть до конца эпохи викингов примерно эквивалентно поступлениям восточного серебра до 980-х гг.³¹ Это связано с активной экспансией датчан в зоне Северного моря.

Таким образом, военный потенциал викингов после 980-х гг. должен был, на какое-то время, даже возрасти, так как к полученным ранее с Востока финансовым ресурсам добавились еще и поступления серебра из Западной Европы. Однако рост этого военного потенциала викингов, находившихся уже на грани своего заката, не мог быть длительным и столь масштабным, так как потеря восточного пути была все-таки ощутимой. Этим и объясняется резкий всплеск, а потом и достаточно быстрый упадок скандинавской экспансии на Запад. После 980-х гг. экономика викингов держалась преимущественно за счет эксплуатации побежденных англичан и грабежей берегов Западной Европы. Правда, еще какие-то доходы викинги стали получать тогда от участия в роли наемников в походах русских князей и войнах Византийской империи.

В Италии и Англии в XI в. скандинавы стали себя вести совсем иначе, нежели в предыдущие столетия: они уже не столько грабили, сколько явно искали способы инкорпорации в местные общества, в чем им помогало недавно принятое христианство. Явно у скандинавов на то были веские социально-экономические и политические причины, а весьма рискованная колонизация ими Гренландии и Америки в этот же период однозначно произошла не от хорошей жизни. Контроль над большей частью

Прибалтики был викингами также утрачен, и это еще раз указывает на какой-то серьезный политический удар, полученный ими в Восточной Европе.

Если проводить аналогии с более поздними эпохами, то Русь для скандинавов была чем-то вроде колониальных владений для англичан викторианской эпохи. Потеря Руси норманнами означала для Скандинавии закат эпохи викингов (подобно потере Великобританией контроля над Индией после Второй мировой войны) и имела далеко идущие последствия для всей Европы.

Спустя два поколения после кризиса волжской торговли эпоха викингов в Европе, можно сказать, практически прекратилась, началась феодализация Скандинавии. Северное и Балтийское моря стали относительно безопасными для торговли, в результате чего с XII в. начинает формироваться Ганза. За пределами Скандинавии потомки викингов стали интегрироваться в другие европейские общества, что дало два мощных феодальных формирования — Норманнское герцогство и Неаполитанское королевство, сыгравшие важную роль в крестовых походах.

Примечания

¹ Эпоху викингов обычно датируют от разорения монастыря св. Катберна в Нортумбрии (Англия) в 793 г. до неудачной попытки Харольда Хардрада завоевать Англию в 1066 г.

² Сойер П. Эпоха викингов. СПб., 2006.

³ Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005.

⁴ Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. Том V: Древнескандинавские источники. М., 2009. С. 276–286.

⁵ Noonan T.S. Why the Vikings First Came to Russia? // *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas*. Stuttgart, 1986. В. 34. Н. 3. S. 321–348.

⁶ Константин Багрянородный. Об управлении империей / под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. Изд. 2-е, испр. М., 1991.

⁷ Огановский Н. Закономерность аграрной эволюции. Ч. II. Очерки по истории земельных отношений в России. Саратов, 1911. С. 50.

⁸ Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X–XII столетий. СПб., 1909. См. также: Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. Т. 1. Киевская Русь. М., 1938.

⁹ Фроянов И.Я. Киевская Русь: главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999. С. 113–116.

¹⁰ Вознесенский С.В. К вопросу о феодализме в России // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 7–8.

¹¹ Фроянов И.Я. Указ. соч. С. 73–89.

¹² Сойер П. Указ. соч. С. 166–167.

¹³ О Великом волжском пути см., например: Дубов И.В. Великий Волжский путь. Л., 1989; Аминова Г. Великий Волжский путь в системе европейской торговли. IX–XI вв. // Эхо веков. 2000. № 1/2. — Режим доступа: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2000_1_2/03/03_1/; Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола и Международного научного семинара. Казань, 2001; Великий Волжский путь: прошлое, настоящее, будущее. Казань, 2005.

¹⁴ Там же. С. 174.

¹⁵ Сойер П. Указ. соч. С. 171–172.

¹⁶ Составлено по: Клейн Л.С. Норманизм — антинорманизм: конец дискуссии // Неславянское в славянском мире. 1999. № 5. — Режим доступа: http://stratum.ant.md/05_99/articles/clein/clein00.htm; Жарнов Ю.Э. Женские скандинавские погребения в Гнездово // Смоленск и Гнездово. М., 1991.

¹⁷ Урланис Б.Ц. Рост населения в Европе. М., 1941. С. 86.

¹⁸ Урбан В. Тевтонский Орден. М., 2007. С. 78.

¹⁹ Там же. С. 83.

²⁰ Нефедов С.А. Новая интерпретация истории Киевской Руси. — Режим доступа: http://society.polbu.ru/nefedov_kievhistory/ch00_i.html.

²¹ Лебедев Г.С. Указ. соч. С. 35.

²² Это совпадает с оценками Урланиса: Урланис Б.Ц. Указ. соч. С. 414.

²³ Магузова В.И. Английские средневековые источники. IX–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1979.

²⁴ Лебедев Г.С. Указ. соч. С. 184.

²⁵ Там же. С. 186.

²⁶ Там же. С. 324.

²⁷ Там же. С. 326.

²⁸ Там же. С. 325.

²⁹ Численность норвежских викингов, участвовавших в 1066 г. в битве при Стамфорд-бридже и почти полностью в ней погибших, оценивают примерно в 7 тыс. человек. Полувеком ранее в битве при Клонтарфе в 1014 г. ирландцы разбили и почти полностью уничтожили войско викингов Ирландии и Оркнейских островов численностью тоже примерно 6–7 тыс.

³⁰ Лебедев Г.С. Указ. соч. С. 326.

³¹ Там же. С. 322–323.